
pocket**book**

rocket**book**

МАРИЭТТА ЧУДАКОВА

*Мирные досуги
инспектора Крафта*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-84

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована фотография:
Andrei Kobylko / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Чудакова, Мариэтта Омаровна.

Ч-84 Мирные досуги инспектора Крафта /
Мариэтта Чудакова. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 128 с.

ISBN 978-5-04-090365-8

Мариэтта Чудакова — известный литерату-
ровед и писатель, историк, доктор филологиче-
ских наук, критик, мемуарист, общественный
деятель.

«Мирные досуги инспектора Крафта» —
сборник детективно-фантастических новелл —
увлекательное повествование о расследовании
инспектором Крафтом убийств, преступлений,
и эссе о фантастической литературе.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090365-8

© Чудакова М.О., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

*Совпадения образов, характеристик,
портретов и имен с реальными —
абсолютно случайны*

УБИЙЦА

Все произошло очень быстро. Крафт еще бежал что есть силы по откосу вниз, а один из них уже лежал на траве навзничь, другой же, склонившись, вглядывался в лицо своей жертвы с выражением, в котором не было ничего, кроме любопытства.

— Вы арестованы! — крикнул Крафт, подбегая.

Незнакомец и не думал скрываться. Он медленно обернулся, равнодушно скользнул взглядом по напряженной фигуре Крафта и зажатому в его руке «браунингу».

Крафт потрогал у лежащего пульс, с минуту прислушивался к жуткой тишине в его грудной клетке, наконец спросил сурово:

— Почему вы убили этого человека?

— Тут две неправды сразу, — сухо ответил незнакомец. — Я не убил его, и вряд ли он человек.

Носком ботинка он дотронулся до лба убитого, потом, поколебавшись, присел, вынул не-

что вроде циркуля и быстро измерил несколько расстояний на его лице, пробормотав при этом:

— Ну конечно. Лицевой угол почти не изменился.

Крафт не торопил арестованного. С любопытством наблюдал он, как тот развернул ладонь убитого, внимательно всмотрелся в нее, несколько раз оттянув большой палец, потом встал, аккуратно отряхнул колени и с кривой усмешкой сказал, обращаясь к убитому:

— До скорой встречи.

Крафт узнавал черты раза два встречавшейся ему редкой формы мгновенного умоисступления, в которое впадает преступник тотчас после убийства, если смерть еще не стала его ремеслом. Это помутнение рассудка быстро сменяется прояснением, когда преступник оказывается во власти бурного и самого искреннего раскаяния.

Убийца, однако, не обнаруживал ни малейших признаков раскаяния. Усталый и бледный, он утратил, казалось, всякий интерес к своей жертве и погрузился в размышления. Первым прервав молчание, он посоветовал Крафту не хлопотать насчет охраны трупа.

— Все равно через час его здесь не будет, — сказал он и вяло махнул рукой. — Впрочем, как знаете.

Этот час им пришлось провести у трупа вдвоем. Крафт ждал, когда хоть кто-нибудь

появится на дороге, но место было безлюдное. Оба сидели молча, причем убийца — спиной к месту преступления, а Крафт глаз не сводил с трупа — он никогда не пренебрегал предостережениями, сорвавшимися с губ самих преступников. Момент, в который Крафт обнаружил, что труп, лежащий в двух метрах от него, исчез и даже трава на этом месте не примята, принес с собой одно из самых сильных потрясений в его жизни. Он хотел броситься к ближайшим кустам, но вовремя одумался. Кусты были не ближе чем в ста метрах. Убийца сидел на прежнем месте совсем неподвижно, не обнаружив никакого интереса к тому, что произошло за его спиной. Оставалось предположить, что труп поглотила земля.

По прошествии пяти минут Крафт был вполне подготовлен к тому, чтобы молча последовать за преступником, спокойно пригласившим его к себе. Крафт плелся сзади, бессмысленно поглядывая на ноги идущего впереди. За всю дорогу не было сказано ни слова. В небольшом двухэтажном доме, в кабинете, выдававшем антропологические интересы хозяина, Крафт сел в глубокое кресло, а тот — на кожаный диван, бессильно откинувшись на спинку.

— Вы, как я вижу, поняли, что арестовывать меня бессмысленно, — сказал убийца. —

Не ждите от меня объяснений по поводу дела. Право, оно не стоит длинного разговора, и я не затем пригласил вас. Я хочу обратиться к вам с просьбой. Завтра меня здесь не будет. К сожалению, я не могу взять с собой свои рукописи. Но мне хотелось бы сохранить их. В свое время я дважды обращался с такой просьбой. Но оба раза бумаги мои потом так и не отыскались. Сколько вам лет, простите мой вопрос?

Крафту еще не было тридцати восьми, и это, видимо, вполне устроило собеседника, с виду более молодого. Он коротко пояснил, что надеется прийти за рукописью не раньше чем через тридцать лет, а может быть и позже, что их содержание — антропологические изыскания, которые он, к глубокому своему горю, не успел довести до конца, хотя еще недавно надеялся на это. Он понимает, каким странным выглядит для Крафта его поведение, однако просит поверить, что он отнюдь не преступник, что там, у реки, он защищал свою жизнь и, самое главное, не сделал ничего плохого тому, кого Крафт видел убитым.

В последующие недели Крафт был занят главным образом тем, что десятки раз на дню задавал себе один и тот же вопрос: как мог он, человек, состоящий на государственной службе, спокойно предоставить возможность побега опасному преступнику да еще взять у него на

хранение бумаги? И все это лишь потому, что преступнику удалось скрыть или уничтожить труп каким-то еще неизвестным криминалистике способом!

Шум, вызванный одновременным исчезновением из города двух людей, скоро улегся, их дела легли в архив. Никто не узнал, что Крафт накануне был в доме одного из исчезнувших. Никто никогда не задавал ему никаких вопросов. Однако сам свидетель преступления счел свою честь запятнанной и в тот же год ушел из полиции.

У него образовалось много досуга. Неудивительно, что в конце концов Крафт обратился к рукописи человека, сообщником которого он стал по собственной воле. В тот день на вопрос Крафта об имени незнакомец ответил:

— Я называю себя Фэст.

Бумаги и имя — и то вряд ли подлинное, — теперь это было все, что осталось Крафту от человека, так резко изменившего его судьбу.

Бумаги содержали подробные и доскональные исследования, основанные на огромном количестве фактов. Нет смысла подробно рассказывать о том, как с годами Крафт все глубже и глубже уходил в область антропологии и смежных наук и как для него стало наконец очевидным, что исследования Фэста были уникальны. Их автор полностью оставил

в стороне материал раскопок и всевозможных находок в пещерах Старого и Нового Света. Он пользовался какими-то иными, одному ему известными данными, которые дали ему возможность возвести стройное здание смелых догадок об эволюции человека за много тысяч лет его развития. Строго говоря, это уже была не антропология, а нечто близкое к науке о человеке в целом. Крафта особенно поражала равная свобода автора в описании быта и пещерных людей, и европейца эпохи Возрождения. Жесты, походка, низкий отрывистый смех женщин эпохи неолита были описаны с такой непринужденной осведомленностью, которая пристала разве что их современнику.

Многие страницы были написаны, казалось, пером блестящего романиста.

То, что специалисту показалось бы в лучшем случае nepозволительным верхоглядством, совсем в другом свете представилось Крафту. Особенное внимание к второстепенным деталям, не раз приносившее ему успех в расследовании темных дел, пришло на помощь и здесь, в малоизвестной для него области. Крафт решился наконец сделать чудовищное допущение и пошел по следу.

Надо было заняться биографией Фэста. В архиве полиции сведений оказалось достаточно. Фэст был врач с очень ограниченной

практикой. Он появился в городе пять лет назад. За все пять лет ни разу не выезжал в другие города и страны. У него не было ни жены, ни детей. Круг знакомых его был ограничен. Он ходил по городу только пешком.

Среди этих фактов один обратил на себя глубокое внимание Крафта. Почему этот хорошо обеспеченный человек, имеющий много свободного времени, никуда не ездил? Крафт занялся кропотливой реконструкцией его маршрутов в черте города и пришел к любопытным выводам. Перемещения Фэста внутри города укладывались в четкий прямоугольник, одним из оснований которого была долина той окаймлявшей город с запада реки, у которой они когда-то встретились над безжизненным телом. Расстояние между северным и южным основаниями не превышало двух километров. Фэст никогда не бывал на южной окраине города. Город был для этого человека своеобразной тюрьмой, в которую он был заключен своей собственной или неведомо чьей волей.

Тайна разрасталась, и смутно брезжащая разгадка пугала Крафта своей невероятностью. В архиве полиции он отыскал еще три дела «об исчезновении жителя города». Самое давнее из них было заведено сто пятьдесят лет назад. Обстоятельства всех трех дел были сходны. Люди исчезали ночью, без вещей, и никто никогда